

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр перспективного развития

Приложение к информационному дайджесту: политика, образование, университеты

15 января 2013 года

НАУКА ВЗЯЛА КУРС НА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Почему в США намного больше плохих вузов, чем хороших? Почему директора институтов РАН теряют былое влияние? Как выявить сильного ученого? Об этом корреспондент "РГ" беседует с известным в мировом научном сообществе ученым в области наук о жизни.

До сих пор не утихает скандал вокруг проведенного Минобрнаукой мониторинга вузов. А как в США оценивают университеты?

Константин Северинов: Может, вы удивитесь, но в Америке очень плохих вузов намного больше, чем хороших, мы просто о них не знаем. Там и списывают, и занимаются плагиатом, и вообще учатся не для знаний, а чтобы получить диплом и занять более высокую должность. На государственном уровне эти вузы практически не проверяются, им достаточно иметь набор курсов, преподавателей, администрацию и рекламу для привлечения студентов.

Дело в том, что высшее образование в США платное, люди сами решают, какие знания им нужны, куда нести свои кровные. Принципиально важно, что диплом выдает сам вуз, а работодатели хорошо представляют, чего "стоит" диплом того или другого вуза. Если какой-то вуз не набирает денег, он оказывается на мели, может закрыться или слиться с более сильными. В целом, это простая и понятная система высшего образования, но нам она исторически чуждая.

В России ситуация парадоксальная: огромное количество людей стремится получить высшее образование, но вузов которые могут предложить его действительно на высоком уровне, совсем немного. Например, в близкой мне биологии, думаю, таких менее 20 процентов. Тем не менее, подавляющее большинство российских вузов живут на деньги налогоплательщиков, выдают дипломы государственного образца и, в общем то, обманывают своих выпускников, создавая у них ощущение, что они получили достойное высшее образование. Государство вправе наводить здесь порядок. Что и пытается сделать Минобрнауки. Предложенный им набор критериев и то, как была проведена сама акция, вызывает справедливые нарекания, но с другой стороны очевидно: популярных решений быть не может. Кого-то придется закрывать, сливать с другими, где-то поменять руководство. Вообще эта проблема перезрела. Ее давно надо было решать.

Начав с образования, Минобрнауки заявило о грядущих переменах в науке. Они необходимы - спору нет. Вопрос в том, кто и как их будет проводить. Ведь дьявол в деталях. Ученых тревожат очень непростые отношения между РАН и министерством. Дело в том, что, будучи ректором МИСИСа Дмитрий Ливанов выступил с программной статьей, где, в частности, заявил, что РАН в ее нынешнем виде - препятствие на пути создания конкурентоспособной науки, ее надо преобразовать в клуб ученых, а все лучшее перевести в вузы. И став министром, он, судя по всему, своего мнения не изменил.

Например, министерство попыталось взять на себя управление программой фундаментальных исследований госакадемий. Только бурное возмущение РАН, что наукой должны управлять сами ученые, а не чиновники, а затем вмешательство высоких руководителей вынудило Минобрнауки отступить. И подобных примеров немало. Разногласия между чиновниками и РАН очень серьезны. Разве это не вредит науке?

Константин Северинов: Если говорить абстрактно, то любой конфликт такого рода вреден для науки. Но давайте посмотрим на конкретные ситуации, на позицию в них руководства РАН. Например, **среди нескольких важнейших подготовленных министерством документов есть проект программы "1000 лабораторий"**. Ее давно ожидают ученые, на мой взгляд, она сулит революцию в нашей науке. Суть в том, чтобы деньги не размазывались по столь любимому академическим руководством принципу "всем сестрам по серьгам". По конкурсу будут отобраны, а затем получают очень весомые гранты действительно сильные коллективы. Крайне важно, что независимые

лаборатории смогут создать молодые талантливые ученые, которые получат возможность уйти от отеческих, а часто медвежьих объятий своих руководителей. А значит, не уедут за границу.

Проще говоря, должна измениться схема организации и финансирования науки: в центр перемещается научный лидер и его лаборатория, а институт и директор уходят на периферию?

Константин Северинов: Именно так работает наука во многих ведущих странах мира. Но руководство РАН категорически против такого подхода. Об этом в очередной раз недавно заявил на президиуме академии ее глава **Юрий Осипов**. Он настаивал, что деньги должны идти в институт, а его директор сам решать, как их распределять. Такая феодальная схема в принципе имеет право на существование, но тогда директорами институтов должны быть действительно признанные во всем мире научные лидеры. Сегодня в РАН около 450 институтов. Достаточно посмотреть научные рейтинги их директоров, чтобы стало ясно, кто есть кто на самом деле.

Впрочем, несмотря на сопротивление руководства РАН, российская наука постепенно уходит от советской архаики и обретает современный облик. Во многих сильных лабораториях бюджетные деньги составляют менее 10 процентов, остальное ученые выигрывают в виде грантов, которыми распоряжаются практически по своему усмотрению. А значит, директора теряют былое влияние. Уверен, что будущее именно за такими независимыми и мобильными научными коллективами, которые доказывают свой научный уровень не в аппаратных играх, где деньги распределяются келейно среди узкого круга товарищей, а в конкурсах с жесткой конкуренцией.

Но ведь понятно, почему РАН не может выделить ученым достойные деньги и теряет влияние: вся она финансируется как средний американский университет. Причем ситуация в ближайшие восемь лет не изменится. Скажем, по данным РАН, вложения в одного ученого вырастут с нынешних 272 тысяч в год 280 тысяч. Разве не странно, что ведущая научная организация страны оказывается на голодном пайке?

Константин Северинов: Приводя эти цифры, руководство РАН лукавит. Оно имеет в виду исключительно бюджетное финансирование. Но никто не

запрещает академическим ученым участвовать в разных конкурсах и выигрывать очень приличные суммы. И тогда та самая цифра вложений в одного исследователя, возрастет в разы. Однако руководство РАН не устраивает, что эти деньги ему недоступны, они идут через различные Федеральные программы, фонды и т.д. Их надо уметь добывать на конкурсной основе, а не получать в академическом "распределителе". Накачивать деньгами неэффективную систему организации науки дальше нельзя. Средства должны идти на поддержку тех, кто действительно делает науку мирового уровня.

Но как их выявить? Сегодня это самый спорный вопрос. Минобрнауки настаивает на формальных оценках - публикациях, цитировании, индексе Хирша. РАН, напротив, утверждает, что это дает искаженную картину. Истинную выявит только оценка авторитетных экспертов. Академики ссылаются на создателя наукометрии Юджина Гартфилда. Он предупреждал, что формальный подход не является объективным, у него много минусов. Кстати, и мониторинг вузов показал, что формалистика дает сбои.

Константин Северинов: К этому можно добавить, что большинство ученых в США об индексе Хирше вообще не слышали. Деньги на исследования там выделяют на основании качественной научной экспертизы проектов. В принципе, это, конечно, самая объективная оценка. Но сразу встает вопрос: а судьи кто? На западе для экспертизы приглашаются ведущие ученые из разных стран мира, в том числе и из России.

Руководство РАН в целом считает, что академия своими силами способна вести независимую оценку. Однако опыт показывает, что это далеко не всегда так. Скажем, можно вспомнить ситуацию с мегагрантами по 150 миллионов рублей каждый, выделенных для привлечения в наши вузы ведущих ученых мира. Все заявки на этот конкурс подверглись авторитетной международной экспертизе, но окончательное слово было за грантовым советом, причем из 16 его членов 14 были академиками РАН. К сожалению, многие из принятых советом решений основаны на корпоративных интересах, а главное - они противоречили результатам первоначальной экспертизы. Результат мы видим сейчас, когда прошло три года и настало время решать, какие из проектов продлевать. Те, кто проскочил благодаря академическим хитростям, выбыли. Можно ли доверять подобной безответственной "экспертизе" академиков? Сомневаюсь. Похоже, я не одинок в этом мнении, так как все члены совета были недавно заменены.

Да, индекс Хирша далеко не идеален, но у нас сейчас только началось становление системы, которая позволит отделить сильных от очевидно слабых. И здесь, и публикации, и индекс Хирша - хороший инструмент для отсева, за которым должна следовать полноценная, свободная от конфликта интересов научная экспертиза заявок. Кстати, именно по этому пути пошли во многих странах, где сейчас реформируют науку, в частности, в Польше, Чехии, Словакии.

<http://www.rg.ru/2013/01/15/nauka-site.html>